

31/2004

SLAVICA GANDENSIA

The International Review of the Belgian Centre for Slav Studies

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В ПОВЕСТИ О СВЕТОМИРЕ ЦАРЕВИЧЕ ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА

Андрей Львович ТОПОРКОВ – ИМЛИ РАН / РГГУ Москва

Последнее крупное произведение Вяч. Иванова “Повесть о Светомире царевиче” (далее — Повесть) пока еще, к сожалению, не прокомментировано должным образом. В процессе подготовки комментариев к Повести для нового издания собрания сочинений Вяч. Иванова мы попытались, в частности, выявить различные цитаты, включенные в художественную ткань текста, определить их источники и функции.

Особенно многочисленны и значимы для содержания Повести цитаты из Ветхого и Нового Завета. Обращаясь к Библии, Иванов использует как канонические, так и “отреченные” версии отдельных сюжетов, а кроме того, сочиняет и собственные апокрифы о земном рае, Иоанне Богослове, Богородице, Симоне Маге. К Библии отсылает и способ строфического оформления текста: с делением на периоды, обозначенные цифрами и начинающиеся с красной строки.

В нашей заметке мы попытаемся ответить на следующие вопросы: Какую роль играют цитаты из Библии в художественной структуре Повести? В каких именно типичных контекстах и ситуациях они появляются? Какие именно книги Библии чаще всего цитируются?

В Повести многократно обыгрываются Книга Бытия, 1-я и 3-я Книги Царств, Псалтирь, четыре Евангелия, Деяния апостолов, Послания апостолов, Откровение Иоанна Богослова. И сам условный автор “Повести” (“летописец”), и ее персонажи часто и охотно цитируют Библию, а Владарь и Отрада применяют к себе образы библейских персонажей и ситуации, в которые те попадают.

Большинство библейских цитат включено в прямую речь персонажей Повести, а также в Письмо Иоанна Пресвитера. Таким образом, они не только отсылают к тексту-источнику, но и характеризуют уровень начитанности, эрудиции персонажей Повести, направленность их интересов. Эти цитаты придают речи персонажей религиозную глубину и художественную выразительность.

Отсылка к Библии может быть явной или скрытой. Иногда цитаты вводятся с помощью речения: “Сказано...” (504)¹ или оборотов: “Ибо верила слову псалмопевца, что...” (475), “Вот в книге Царств читаю, что...” (475), “Помнишь... царь Давид траве усохшей человека уподобляет...” (482), “Читали они... в Книге Бытия, как...” (489), “И читают они в Евангелии, что...” (492), “...якоже и речене есть о Христу вернем...” (575).

Однако значительно чаще цитата вводится без специальных оговорок. Например, “рукописание”, оставленное Владарю Гориславой начинается с точной цитаты из 118 псалма: “*Благословен еси, Господи, научи мя оправданием Твоим...*” (Пс. 118, 12), однако тот факт, что это цитата, никак не оговорен, и ни в одном из имеющихся в настоящее время комментариев на это не указано. Далее в том же “рукописании” сказано: “О Серафиме же не рыдай, *яко болий тебя, на престоле славы сидяще*” (518) и ниже еще раз повторяется: “*Сын твой болий тебя...*”. Эти реплики — скрытая отсылка к Евангелию от Иоанна: “Если бы вы любили Меня, то возрадовались бы, что я сказал: ‘иду к отцу’; ибо *Отец Мой более Меня*” (Ио. 14, 28). Для понимания Повести чрезвычайно важно, что отношения между Лазарем и Светомиром проецируются на отношения между Богом-Отцом и Богом-Сыном, между тем эта проекция не выражена явно, но подразумевается самим подбором цитируемых текстов.

Цитата из Библии часто вводится как ССЫЛКА НА ПРЕЦЕДЕНТ. Например, архимандрит Варсонофий говорит великому государю: “...*позвал тебя, яко мытаря, Господь — за ним, покинув мытницу, и последуй*” (504). Имеется в виду призвание Матфея (Мф. 9, 9; Мк. 2, 14; Лк. 5, 27) и то, что государь должен последовать призыву Христа.

И далее Варсонофий говорит: “*Святой Церкви, подобно древнему Самуилу пророку, надлежит избранника Божия обрести...*” (504). Согласно 1-й Книге Царств (16, 1-13), пророк Самуил по велению Яхве еще при жизни царя Саула помазал на царство пастуха Давида. Эта ситуация, по мысли Варсонофия, должна повториться и в славянской державе.

Вообще разговор великого государя с митрополитом Софронием и архимандритом Варсонофием, в котором государь сообщает им о своем желании оставить бремя власти, весь пересыпан парафразами псалмов и евангельских речений.

Аналогичным образом из цитат состоит и диалог между Отрадой и старцем Парфением (514-515). Сначала Отрада видит сон: “...и *предстала ей в видении Царица Небесная с Христом Младенцем, и будто говорит ей: ‘И ты своего младенца принеси с Моим поиграть’*” (514). Это намек на

¹ Ссылки на текст Повести даются с указанием страницы по изданию: Вяч. Иванов, *Лик и личины России: Эстетика и литературная теория*. Москва 1995 : 459-589. Курсив в цитатах всюду наш — А.Т.

евангельский эпизод: Мария, беременная Христом, навестила Елисавету, которая носила во чреве Иоанна Крестителя: “Когда Елисавета услышала приветствие Марии, взыграл младенец во чреве ее; и Елисавета исполнилась Святого Духа” (Лк. 1, 41; см. также 44).

По словам старца Парфения, Отрада должна взойти на ложе Лазаря “без трепета, яко Рахиль на ложе Иаковле” (отсылка к Книге Бытия, гл. 29-30). Их брак освятит “Сам, освятивший брак оный в Кане Галилейской” (Отсылка к Евангелию от Иоанна, 2, 1-11). “...не угодно Промыслу Господню, дабы чаша сия тебя миновала”, — парафраз Евангелия от Луки (Лк. 22. 42). Парфений дает имя будущему ребенку: “...и сын ваш наречется Серафимом”. В последующем обстоятельства наречения именем Светомира напоминают евангельские рассказы о наречении именами Иисуса и Иоанна Крестителя (Лк. 1, 13. 31. 60-63; 2, 21). Отрада отвечает Парфению словами Марии: “Се, раба Господня” (Лк. 1, 38). Ближайший прообраз этой сцены — описание Благовещения в Евангелии от Луки.

Наряду с точным или приблизительным цитированием Библии, в Повести используются также узнаваемые парафразы библейских речений. Например, великий государь говорит митрополиту Софронию: “Им же образом желает олень на источники водные, так измлада взыскует душа моя уединения иноческого...”, перефразируя слова псалма: “Имже образом желает олень на источники водные, сице желает душа моя к Тебе, Боже” (41, 2)

Бес глумится над Лазарем: “А и лих ты, Лазарь-пролаза! Хитро домекнул, как и волчью утробу насытить, и овечьей шкуры с хребта не спустить” (473). Здесь обыгрывается евангельский образ волка в овечьей шкуре: “Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные...” (Мф. 7, 15).

В словах Симона Хорса: “Сказано: с еллином еллин, со скифом скиф” (526) перефразируются слова апостола Павла: “...Где нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос” (Кол. 3, 11).

В предсказании Радивоя “...и тогда голубицею обернется змея” (547) явственно угадываются слова Христа: “...итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби” (Мф. 10, 16).

По своему объему цитаты, как правило, невелики. Только в одном случае цитата из Евангелия от Иоанна занимает 3 колона. В подавляющем же большинстве случаев это или отдельное предложение, или просто несколько слов, выделяющихся из контекста благодаря архаической лексике, религиозной символике или образно-поэтическому характеру.

Введение цитат из Библии мотивируется тем, что она являлась главной сакральной книгой славянского средневековья. Читатель неоднократно видит Лазаря-Владаря за чтением “божественных книг”

(480) и прежде всего Библии, хотя ею, конечно, не ограничивается его круг чтения. Лазарь обращается также к “житиям угодников Божиих” (488); Епифаний упражнял его “и в книгах церковных, и в творениях святоотеческих” (497). Когда Отрада попросила Лазаря научить ее “грамоте — читать и писать”, Лазарь учит ее, как это и было принято на Руси, по Псалтири (489). Позднее Лазарь читает с Отрадой “окроме священных книг и цветники, и повести разные” (494). Персонажи Повести, особенно священнослужители и такие светские грамотники, как Лазарь и Отрада, вставляют в свою речь цитаты из Библии, по-видимому, даже не задумываясь об этом специально.

Лазарь, Василиса, Отрада не только читают, но и толкуют Книгу Бытия (рассказ об изгнании Адама и Евы из рая), 1-ю Книгу Царств (историю Давида), Евангелие от Луки (об изгнании семи бесов из Марии Магдалины). Василиса и Отрада читают вместе главу 3-ю “Книги Бытия” о том, как Господь наказал людей за грехопадение, “Адаму смертию умереть назначал, Еве же и чад родить в муках” (489). Отрада предлагает такое осмысление этой темы, которое близко Евангелию от Иоанна (см. ниже). Позднее Лазарь вместе с Отрадой читают Евангелие, и у Отрады возникает ассоциация между ней и Марией Магдалиной, из которой Христос изгнал семерых бесов (492).

Тема царства, земного могущества дается в Повести сквозь призму образов Ветхого Завета: Владарь сравнивает себя с Давидом, а в сцене загадывания загадок они с византийской императрицей Зоей уподобляются царю Соломону и царице Савской.

ПЕРВЫЙ и наиболее простой тип ЦИТИРОВАНИЯ в “Повести”: цитируемый текст внеположен тексту Повести и известен; на него имеется прямое указание в самой Повести. Персонажи и сюжетные ситуации цитируемого текста воспринимаются достаточно остраненно; например, Лазарь отмечает свое отличие от царя Давида, а не сходство с ним.

2-й тип ЦИТИРОВАНИЯ близок первому, однако имеет не столько сюжетно-ситуативный, сколько языковой или стилистический характер. Текст-источник известен или может быть установлен, однако цитируется не связный текст, а отдельные речения, афоризмы, словосочетания или даже символически нагруженные слова.

Таким образом, в частности, может цитироваться Псалтирь. Например, Василиса «верила слову псалмопевца, что *“не до конца прогневается Господь, ниже век враждует”* (475). Здесь приводится вполне узнаваемая и точная цитата из Псалтири (Пс. 102, 9).

Пересказывая Лазарю свой пророческий сон, Отрада говорит: “...и дотла спалило полымя состав птицы прежний, и обновилась юность ее, и прочь упорхнула Финист-птица” (522). Здесь перефразированы слова псалма: “...обновится яко орля юность твоя” (Пс. 102, 5).

В сказанном о Параскеве: “Ей же дано бысть Христовы страсти лицезрети и Ему священнотайне *сораспятся*” (586) — отзвуки слов апостола Павла: “Я сораспяхся Христу. И уже не я живу, но живет во мне Христос” (Гал. 2, 19-20).

3-й тип цитирования имеет более сложный характер, чем первые два. Создаются сложные образно-символические структуры, которые имеют многослойный и гетерогенный характер и в принципе многозначны; они отсылают не к одному определенному тексту, а к целой совокупности разнородных текстов; требуют для своего понимания сложной, многоступенчатой дешифровки. Иванов искусно воспроизводит в Повести средневековую манеру порождения текста, при которой за историческими событиями и коллизиями усматриваются вечные богословские проблемы, реальные персонажи соотносятся с этикетными образцами, данными традицией, опирающейся на сакральные образцы.

Так, например, сцена искушения Лазаря у Егорьевой криницы явственно “рифмуется” со сценой искушения Христа в пустыне: “И был Он там в пустыне сорок дней, искушаемый сатаною, и был со зверями; и Ангелы служили Ему” (Мк. 1, 13). Тема болезни и воскрешения Лазаря дается сквозь призму евангельских образов, причем не только страстей Христа, но и истории Лазаря и исцеления расслабленного (Мф. 9, 6-7). Замужество Отрады и рождение Светомира, как уже говорилось, рисуются в свете Евангелия от Луки, как новое Благовещение и Рождество мессии. Образы двух латников, являющихся на помощь Лазарю, восходят в ближней перспективе к легендарным Ослябе и Пересвету, а в дальней — к двум всадникам Апокалипсиса. Как отмечает Томас Венцлова, “два всадника в ‘Повести о Светомире царевиче’ на самом глубинном уровне оказываются знаком объединения церковей и грядущей экумены”.²

Остановимся подробнее на видении Лазаря, которое играет в Повести характер своего рода символического ключа:

“И привиделось Лазарю, будто стоит он в седой степи на белом камне отлогом и пасет с того высокого камня *лобно*го несметное овец стадо.

И проходит мимо серых волков многое множество, и гонит их копьём свет-Егорий.

И запрещает Егорий овец резать, иным же повелевает, назначая овцу, или *агнца*, или овна, и тогда хватает волк ловитву указанную и несет в стадо.

И будто машет Лазарь *жезлом* Егорию, и возбраняет ему, и сам дань отобрать сулит.

² Т. ВЕНЦЛОВА, “О мифотворчестве Вячеслава Иванова: ‘Повесть о Светомире царевиче’”, *Cultura e memoria. Atti del tezzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov. II*. Florence 1988 : 42-43.

А Егорий в ответ: ‘Мне ты сам данью будешь: ныне за двоих выкуп, по долгом времени *за всю землю оброк*’.

И метнул Егорий копьем в Лазаря, и прошло копье сквозь чресла Лазаревы, и врос он в камень до чресл” (474).

В описании видения сложным образом соединяются библейская и фольклорная символика. Начало явственно отсылает к Псалтири: “...постави на камени нозе мой” (Пс. 39, 3); “...на камень вознесл мя еси...” (Пс. 60, 3). Образ пастыря, который пасет стадо, собирает и оберегает овец, заботится о них, разработан и в Ветхом, и в Новом Завете. Иисус говорил о себе: “Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец” (Ио. 10, 11). Пророчество о “пронзенном” пастыре содержится в Книге пророка Захарии (12,10; 13,7) и позднее применено к Христу (Мф. 26, 31; Мк. 14, 27). В Апокалипсисе Христос изображен как всадник на белом коне (19, 11), который пасет народы жезлом железным (19, 15).

Владарь пасет овец, которые символизируют собой подданных, а сам Владарь — их царя-повелителя. Кроме этого, Владарь уподобляется Христу: “лобный камень”, на котором он стоит, напоминает о Голгофе, а принесение Владаря в жертву за землю и людей — о самопожертвовании Христа. Упоминание “агнца” должно быть понято в свете общеизвестной символика: “...вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира...” (Ио. 1, 29). Ср. также сближение образов Пастыря и Агнца с Акафисте Пресвятой Богородице: “...Радуйся, Агнца и Пастыря Мати; радуйся, дворе словесных овец” (икос 4). В то же время образ Егория, который гонит волков и назначает им скот в пищу, соответствует славянским народным представлениям о св. Георгии.

По количеству цитат и их значимости для Повести исключительную роль играют сочинения ИОАННА БОГОСЛОВА: главным образом Евангелие от Иоанна, а также Апокалипсис и 1-е послание Иоанна. Образ Иоанна Богослова несколько раз непосредственно появляется в Повести; в Послании Иоанна Пресвитера сам Иоанн Пресвитер предстает как своеобразная реинкарнация Иоанна Богослова. Ритуал обретения им нового имени явно отсылает в 1-й главе Апокалипсиса (588), причем в ходе ритуала он удостаивается лицезрения самого “апостола любви” (588).

В Послании приводится диалог между апостолом Иоанном, Богородицей и св. Георгием (583), а также упоминается о том, что именно Иоанну Христос завещал на кресте попечение о его матери (582; ср. Ио. 19, 25-27). Диалог Иоанна с Богородицей сочинен Ивановым, однако автор вкладывает в уста Иоанну и отдельные цитаты из Евангелия от Иоанна, например, Иоанн говорит Богородице: “Глагола нам сын твой, в дому Отца Моего обителей много суть” (584; ср. Ио. 14, 2).

Царство Иоанна Пресвитера находится под особым покровительством Иоанна Богослова; более того, апостол Христов и сам

тайно пребывает в своем царстве (582). Наиболее обширная закавыченная цитата из Евангелия от Иоанна (582) касается вопроса о бессмертии Иоанна (Ио. 21, 20-22).

В Повести неоднократно цитируются слова Иоанна Богослова о свете (Ио. 1, 5). В частности, в царстве Иоанна Пресвитера, “умиляются людие за службою подземельною, поминающе *Иоанново слово о Боге Слове, яко Свет есть, во тьме светящся, и тьма Его не объят*” (577).

В словах Хорса “*Низведен свет Девы Пресветлой долу и по земле рассеялся, и тьма объяла его*” перефразированы те же слова Евангелия: “...И свет во тьме светит, и тьма не объяла его” (Ио. 1, 5). Ниже Лазарь говорит о Хорсе: “...дано ему видение, что сильнее тьмы свет...”, имея в виду те же слова Иоанна. А возражая Хорсу, Лазарь утверждает: “*Свет Христов просвещает всех*” (529); это парафраз следующих слов Иоанна: “Был свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир” (Ио. 1, 9).

Само имя Светомира содержит в себе указание на самоопределение Христа в Евангелии от Иоанна: “Я свет миру...” (Ио. 8, 12; 9, 5; 12, 35, 46); ср. также обращение Христа к апостолам: “Вы — свет мира” (Мф. 5, 14).

Эпизод воскрешения Лазаря-Владаря содержит прямые отсылки к рассказу о воскрешении Лазаря в 11-й главе Евангелия от Иоанна. В частности, Василиса, чтобы вдохнуть надежду в Лазаря, напоминает ему: “*Лазаря и четверодневна во гробе к жизни Христос воздвиг...*” (476; ср. Ио. 11, 39).

Чрезвычайно важна для Повести символика второго рождения. “*Дважды родится человек по таинственному глаголу Христову*” (560), — говорит Радивой, имея в виду слова Христа о втором рождении “от воды и Духа” (Ио. 3, 3-7).

Эпизод рождения Отрады вызывает ассоциации с другими словами Христа: “Женщина, когда раждает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир” (Ио. 16, 21). Эти же слова, по-видимому, имеет в виду Отрада, когда переосмысливает по-своему рассказ Книги Бытия о наказании Адама и Евы: “А что в болезнях матери детей рожать определено, то радости ее не отымает. Так и с этою жизнью расставанье боль человеку и скорбь; но из этой скорби радость процвести должна такая же, какая матери радость есть на дитя роженое” (489).

В реплике из Послания Иоанна Пресвитера “*Не мноу Жених быти, но друг жениха*” (586) перефразированы слова Иоанна Предтечи, который сравнивал Христа с женихом, а себя — с другом жениха (Ио. 3, 29).

Многочисленные парафразы слов Иоанна Богослова включены в речь разных персонажей Повести. Например, в словах Иоанна Пресвитера: “...якоже и речене есть о Христу вернем: *‘и внидет, и изыдет, и пажить обрящет’*” (575) выделена кавычками точная цитата из Евангелия от

Иоанна (Ио. 10, 9). В реплике Радивоя “*Не возделю более мира, ни того, что в мире*” (547) узнаваемы слова: “Не любите мира, ни того, что в мире...” (1-е Ио. 2, 15).

Подводя итоги нашим наблюдениям о функциях библейских цитат в “Повести о Светомире царевиче”, можно сделать некоторые предварительные обобщения.

Библия присутствует в Повести и непосредственно, как книга, которую читают персонажи Повести; и как текст, который они хорошо знают и часто цитируют. Можно разделить библейские цитаты на явные, включающие отсылку к первоисточнику, и неявные, требующие дешифровки.

Персонажи Повести в некоторых эпизодах сами отождествляют себя с персонажами Библии. Они достаточно свободно обращаются с сакральными текстами; дают парафразы, используя отдельные образы, ключевые фразы первоисточника. Можно думать, что Иванов часто давал цитаты по памяти.

Библейские цитаты являются органической частью ивановского текста. Их введение мотивировано сюжетно и ситуативно; оно соответствует художественной архитектонике Повести. Происходящее в ней воспринимается сквозь призму библейских ситуаций и образов. Библейские персонажи как бы маячат за персонажами Повести, просвечивают сквозь них, создавая изысканную игру света и тени.

И условный автор Повести (старец-инок), и ее персонажи (включая Богородицу и Иоанна Богослова) живут в мире христианских представлений и образов. Отдельные ситуации и цитаты повторяются в Повести неоднократно, становясь своего рода лейтмотивами. Без опознавания библейских цитат невозможно сколько-нибудь адекватное понимание текста. При этом наиболее часто цитируемым и важным для понимания Повести оказывается Евангелие от Иоанна.

Цитирование Библии в Повести имеет различные функции: ссылка на авторитетные суждения или сакральные события-прецеденты; украшение речи персонажей образами, сравнениями, поэтическими выражениями, восходящими к Библии (особенно к Псалтири); самоотождествление того или иного персонажа Повести с определенным библейским персонажем или сравнение себя с ним; создание сложных образно-символических структур, предполагающих соотнесение с текстами Ветхого и Нового Завета.

SUMMARY

Biblical quotes in Vjačeslav Ivanovs “Povest’ o Svetomire Careviče”

Vjačeslav Ivanovs “Povest’ o Svetomire Careviče” contains a great number of quotes and references from the Old and New Testament. Apart from references to canonical and apocryphal biblical subjects, the *Povest’* also contains apocryphal subjects from the hand of Ivanov himself, such as the Garden of Eden, John the Evangelist, the Mother of God, Simon Magus. Another echo from the bible is the versified form: the text is divided in periods, indicated by numbers and paragraphs. In the article, the author elaborates on the nature and origin of these biblical quotes, the typical contexts and situations in which they occur, the structural role they play within Ivanovs *Povest’*, their function in the *Povest’* as a literary work of art and on the relation between the characters in the *Povest’* and biblical figures.